

С.А. Викторова

Поэтический диалог Игоря Северянина и Федора Сологуба

Своими учителями Северянин называл трех «отцов» русского символизма – Федора Сологуба, Константина Бальмонта, Валерия Брюсова. Поэт подчеркивал их влияние на свое творчество. Генеалогическое родство Северянина с декадентством и символизмом отмечали в своих работах Г. Тастевен и К. Чуковский.

Для Г. Тастевена Северянин был футуристом-декадентом. Критик отмечал, что Северянин является «не полюдски и не по-божьи уединенной душой, замкнутой в своем «эготизме», слабой пародией трагического индивидуализма вселенских символистов» [1].

Корнею Чуковскому принадлежали наиболее развернутые отклики на творчество Северянина. Критик подтверждал родство Северянина с символизмом, находя его символистские корни в «запыленном Календаре модерниста за 1890 год» [2].

Декадентское мироощущение было свойственно Северянину. Его лирический герой под маской иронического «царственного паяца» скрывает раннюю душу от пошлости, грубости и зависти. От маски поэт избавляет лирического героя лишь в поэтической «творимой легенде» – стихотворениях о стране Миррэлии, стране, созданной по аналогии с поэтическим миром Ойле Федора Сологуба.

Поэтический мир Ойле Сологуба – это «творимая легенда», мечта, в которую можно уйти, спрятаться. Выдуманный им мир – это еще один из способов «расширения бытия без конца», жизнь в творческой фантазии человеческого «я», и потому для поэта этот мир, быть может, реальнее реального. «Современнейшая жизнь», ничем не ограниченная, свободная, «без власти и без норм», существует только в «мечте», в искусстве, в лирике. Потребность в такой мечте,

потребность в чуде Сологуб считал неотъемлемым свойством личности, человеческой природы вообще.

Этим обуславливаются два основных начала в творчестве Сологуба, которые можно определить так: пафос мечтательно-фантастического лиризма и пафос иронический (или трагико-иронический). И в прозе, и в лирике Сологуба они взаимопереплетены. «Чудовищное жизни» (А. Блок) и «необходимое» чудо, творимое фантазией, – вот два полюса, два устремления в творчестве Сологуба в целом.

Неприятие реального мира порождает утопию. Утопия появляется в творчестве поэта, когда в его сознании разверзается пропасть между миром, каков он есть, и миром, который можно вообразить.

Северянина окружало сразу три мира. *Первый* – реальная действительность. *Второй* мир, созданный воображением поэта вопреки первому, – неоромантический, воссоздавал безбрежный мир природы и был выдержан в идиллических тонах. Это и была, собственно, *неоромантическая утопическая модель мира*, возникшая в творчестве раннего Северянина, имеющая перспективы, хотя и не столь явные, в его зрелом и позднем творчестве. *Третий* мир – мир поэтической антиутопии Северянина.

Игорь Северянин вслед за Ф. Сологубом считал, что воображение, мечта способны заменить «здешний мир» лирическому герою и поэту.

Сологуб призывал:

*В глубокий час молчания ночного
Тебе я слово тайное шепчу.
Тогда закрой глаза, и снова
Увидишь ты мою страну.*

Такая «моя страна» – фантастическая, инопланетная, рисуется в стихотворном цикле Сологуба «Звезда Маир»

[1898-1901]. Образ блаженного, под иной звездой края Ойле, где все не так, как на Земле, конструируется фантазией поэта как некий Антимир (отсюда утопическая Миррэлия Северянина). Здесь нет «суетных страстей», вражды, уныния и страха смерти, это край «вечной красоты», «святой любви», «праздник мира» и искусств. «Звезда Маир» – это лирическая утопия, в которой мечта сродни сну, забвению, вечному покою. Стихи данного цикла недаром написаны в убаюкивающих, певуче-усыпляющих ритмах, наподобие колыбельной.

*Звезда Маир сияет надо мною,
Звезда Маир,
И озарён прекрасною звездою
Далекий мир.
Земля Ойле плывет в волнах эфира,
Земля Ойле,
И ясен свет мерцающий Маира
На той земле.*

«Творимая легенда» Северянина – Миррэлия – страна, несбывшаяся мечта, идеал (поэт назвал утопический мир Миррэлией в честь поэтессы Мирры Лохвицкой). Северянин зачарован утопией Миррэлии, ибо отказывается принимать мир таким, каким он его застал, он не удовлетворяется существующими на данный момент возможностями: он мечтает, фантазирует, предвосхищает, экспериментирует.

Стихотворения Северянина о Миррэлии сквозным мотивом проходят через все его творчество десятых годов и также объединены в одноименный цикл.

Между тем, в среде футуристов почти не встречались поэты, воспевающие ширь и бескрайность лесов, полей, деревенский быт с детской наивностью и чистотой. Пожалуй, кроме Игоря Северянина, можно назвать еще Василия Каменского, для которого природа родных прикамских лесов или крымских берегов была не просто темой, а особенной жизненной средой, где ценностные величины – человеческая целостность, где звучат гимн и песнь личности, индивидуальности, естественности, раскованности чувств, где по-детски, наивно и восхищенно, раскрывается

упоенное открытие Прекрасной Вселенной. Стихотворения Северянина, посвященные утопической Миррэлии, не отягощены вычурными неологизмами и прочими нововведениями в области стиха.

Утопия Миррэлии, созданная Северяниным, в отличие от его «эпатажных» стихов не была данью моде. Здесь исчезал Северянин-эгофутурист. Мотив поэтизации природы Северяниным в его эгофутуристический период перекликается с поздними стихотворениями поэта простотой стиля, изящностью, красотой, а не «красивостью».

Стихотворения о Миррэлии наполнены восторгом, радостью, лучезарностью:

*Миррэлия – светлое царство,
Край ландышей и лебедей.
Где нет ни больных, ни лекарства,
Где люди не вроде людей.
...Миррэлия – вечная Пасха,
Где губы влекутся к губам.
Миррэлия – дивная сказка,
Рассказанная мною вам.
...Качает там лебедя слива,
Как символ восторгов любви...
Миррэлия! Как ты счастлива
В небывшем своем бытии!*

«Увертюра» [3]

В подобных стихах нет первобытной "мрачной, дикой стихии", о которой писал К. Чуковский. Такие поэты Северянина просты, в них минимум неологизмов, барочных образов, их стиль – классичен, а формы – традиционно восходят к романтической традиции баллады (позднесредневековой) или к сонетам. Среди множества баллад, написанных Северяниным, – несколько лирических повествований о стране Миррэлии. Интересна «Баллада» IX». В ней поэт не просто восхищается пейзажами утопического мира, а размышляет о причине своей любви к этому миру, страстному влечению к нему. В этом стихотворении светлая тоска, томление по выдуманной стране и множество риторических вопросов, вернее, повторов одного и того же вопроса: «Не оттого ль, что ты вдалеке?», правда, с разной интонацией.

*О ты, Миррэлия моя! –
Полустрана, полувиденье!*

*В тебе лишь ощущаю я
Земли небесное волнение...
Тобою грезить упоенье:
Ты – лучший сон из снов земли,
И ты эмблема наслажденья –
Не оттого ль, что ты вдали? [4]*

Баллада состоит из трех восьми-стиший и заключительного четверостишия. Последняя строка каждой строфы заканчивается одинаково: «Не оттого ль, что ты вдали?». «Вдали» – от города, где живет поэт, «вдали» от самого поэта.

Страна Миррэлия противопоставлена Городу как чудовищу, Город не может быть «лучшим сном из снов земли». И потому-то Миррэлия так чиста и хороша, оттого, что она «вдали». Поэт создает цельный, целомудренный, чистый мир естественности, вечной природы.

В поэтический диалог с Сологубом Северянин вступает, выбрав основанием для этого сологубовскую тему планеты «Ойле».

Его стихотворение называется «Ойле», и эпиграф к нему сологубовский: «На Ойле далекой и прекрасной/Вся любовь и вся душа моя». Северянин входит в условно-игровую среду Сологуба и принимает сологубовские иллюзии за данность: в окне лирический герой Северянина видит планету Ойле, где-то недалеко от Луны. Уже в первой строфе поэт играет звукообразами и светотенями Ойле: то ли в окне планета Ойле отражается, то ли женщина с этим загадочным именем Ойле, напоминающим Ольгу. Вторая строфа уносит лирического героя и читателя в мир иллюзорный, мир сна, причем страна Ойле видится спящему в снегу: «Дымится снег голубо-фьолевый/В снегу шалэ». По контрасту с холодным снегом страны Ойле второе значение – страсти, любви, мир Ойле в противоположность снегу – теплый, «электрический»: «Не выключено электричество/В телах, Ойле!..» – Северянин под занавес вновь повторит заветное слово «Ойле», но уже в качестве эмоционального меж-

дометия. Таким образом, стихотворение подтверждает эпиграф.

В предисловии к книге стихов «Пламенный круг» [1908] Ф. Сологуб признавался читателям: «Рожденный не в первый раз и уже не первый завершая круг внешних преобразений, я спокойно и просто открываю мою душу...».

Что за «внешние преобразования завершал» Сологуб? Первый цикл книги назван им «Личины переживаний». Внешние преобразования – те самые личины, которые поэт примеривает с целью прожить ситуацию личины-маски и, возможно, преобразиться духовно. Сологуб надевает на себя личины Адама, Фрины, палача, собаки, причем «Я» поэта равно «Я» лирического героя (и равно маске-личине). Проживая жизнь своих героев, Сологуб преодолевает время и пространство, уходит в прошлое, трансформируется в собаку. Именно таким образом поэт утверждает свое «Я», множество раз преображенное, и во времени, и в пространстве за пределами реального мира, в утопической стране Ойле.

В стихотворениях Игоря Северянина «Я» лирического героя равно «Я» маски, но не тождественно «Я» поэта. Таким образом, Северянин дистанцируется от своей поэтической маски, и этот зазор позволяет развиваться иронии – основополагающему принципу антиутопии – третьему миру Северянина. Действительность с реализованным идеалом оценивалась автором резко отрицательно.

Антиутопия Северянина была порождена миром культуры и являла собой мир сложных, игровых отношений. На этой поэтической игре, служившей своеобразной моделью творчества (эпатирования публики, друг друга, балаганного шума, ярмарке красок) рождался иронический, утонченный, изысканный стиль Северянина.

Северянин вобрал в свою поэзию не только сологубовский мечтательно-фантастический лиризм, но и иронию его лирики и прозы, которая обусловила

развитие антиутопических мотивов в его творчестве.

*За струнной изгородью лиры
Живет неведомый паяц.
Его палатца из палац –
За струнной изгородью лиры...
Как он смешит пигмеев мира,
Как сотрясает хохот плац,
Когда за изгородью лиры
Рыдает царственный паяц!..*

«Интродукция» [5].

Поэт сознательно играл с публикой, зачаровывая ее притягательными мотивами, а потом ввергая в ироническую атмосферу, в мир смеха, если не сатиры.

*И потрясающих утопий
мы ждем как розовых слонов!*

«Пролог» [6].

Перед нами антиутопия Северянина. Характерным явлением для антиутопии является квазиноминация. Суть ее в том, что явления, предметы, процессы, люди получают новые имена, причем их семантика оказывается не совпадающей с привычной.

Поэт создавал ее не только для себя, но и для читателей. Читатели, те самые «демимонденки» и «графы», разглядели в ней лишь мишурный блеск, красоту, утонченность форм, линий, самое же главное, без чего этот мир оказался бы пустым, ничемным, поэт завуалировал, спрятал за барочностью стиля, за красивой, эффектной лексикой, многоступенчатыми метафорами. Скрытую издевку над героями, персонажами этого мира могли увидеть немногие, только те, кто понимал, осознавал суть и сущность эпатажа Северянина.

«Герцог Арлекинский» не был ни кавалером «муаровых дам», ни «графом», увлеченным какой-нибудь «грёзёркой». Арлекинствующий поэт стал ироником в этой стране, паяцем. Поэт создал свою страну «за струнной изгородью лиры» в пику серой убогости, обыденности реального мира, но он не идеализировал своих персонажей – ак-

теров, иначе весь утопичный мир превратился бы в кич.

Поэт сознательно играл с публикой, зачаровывая ее притягательными мотивами, а потом ввергая в ироническую атмосферу, в мир смеха, если не сатиры. Эти творческие принципы и разные мотивы он заимствовал у Федора Сологуба, чьи строки можно было бы назвать неотличимыми от северянинских, если бы они не были созданы намного раньше.

*Я – царевич с игрушкой в руках,
Я – король зачарованных стран.
Я – невеста с тревогой в глазах,
Богомолкой бреду я в туман.*

Ф. Сологуб [7].

Создание, творение подобных миров – это игра поэтов-демиургов Сологуба и Северянина.

*Я – Бог таинственного мира,
Весь мир в одних моих мечтах
Не сотворю себе кумира
Ни на земле, ни в небесах...*

Ф. Сологуб [8].

Ирония, и особенно трагическая ирония – всегда предполагает трансформацию, театрализацию, лицедейские перевоплощения.

*Я влюблен в мою игру.
Я, играя, сам сгораю,
И безумно умираю,
И умру, совсем умру.
Умираю от страданий,
Весь измученный игрой,
Чтобы новою зарей
Вывести новый рой созданий.
Снова будут небеса, –
Не такие же, как ваши, –
Но опять из полной чаши
Я рассею чудеса.*

Ф. Сологуб [9].

В модернистских течениях русской литературы XX века так же, как и в живописи модернизма, рождение новых стилей и новых художественных форм часто испытывается «превращениями», «арлекинадами», путем обновления старых форм и традиций, на «другой территории». Эти приемы были родственными для Ф. Сологуба и И. Северянина.

Библиографический список

1. Тастевен Г. Футуризм (на пути к новому символизму). М., 1914. С. 23.

-
2. Чуковский К. Сочинения в 6 т. Т. 6. М., 1988. С. 144.
 3. Северянин Игорь. Собрание стихотворений: В 5 т. М.: Logos, 1995-1997. Т. 2. С. 281
 4. Там же. С. 308.
 5. Северянин Игорь. Собрание стихотворений: В 5 т. М.: Logos, 1995-1997. Т. 1. С. 144.
 6. Там же. С. 162.
 7. Сологуб Ф. Стихотворения. М., 1999. С. 179.
 8. Там же. С. 176.
 9. Там же. С. 280.